

Б. М. Кедров, А. П. Огурцов. Марксистская концепция истории естествознания. Первая четверть XX в. М.: Наука, 1985. 808 с.

Наше время, при всех его достижениях и преимуществах, представляет собой этап в развитии науки, подчиняющийся всем закономерностям, характерным для развития такого сложного социального явления, каковым справедливо считается наука. Возрастание роли науки в жизни общества предполагает развитие знания о науке, «науки о науке», ее возможностях, перспективах, прогностическом потенциале. Эта естественная для диалектико-материалистической методологии исследования постановка вопроса органически воспринимается при знакомстве с книгой Б. М. Кедрова и А. П. Огурцова, посвященной развитию естествознания в первой четверти XX в. Эта работа является продолжением книги «Марксистская концепция истории естествознания — XIX век», выпущенной издательством «Наука» в 1978 г. В написании ряда ее параграфов участвовали Н. Ф. Овчинников, Н. И. Кузнецова, И. С. Алексеев, А. А. Печенкин, С. Б. Шапошник и др.

Доказывать важность подобных исследований все равно, что ломиться в открытую дверь. К. Маркс и Ф. Энгельс считали возможным подчеркивать значение исторического исследования следующим образом: «Мы знаем только одну единственную науку — науку истории»¹. Авторам удалось собрать и обобщить огромный, без преувеличения, естественнонаучный и социально-философский материал, значительная часть которого вряд ли известна не только читателю, интересующемуся историей науки, но и ученым-профессионалам. Б. М. Кедров и А. П. Огурцов стремятся дать объемную картину развития естествознания начала XX в., обращаясь не только к отечественным (по преимуществу марксистским) попыткам осмыслить этот сложный процесс, но и к усилиям марксистской (и не только марксистской) мысли за рубежом. Факты, как известно, «воздух ученого». Авторы рецензируемой книги дают нам вволю «надышаться» этим воздухом, проявляя поистине энциклопедическую осведомленность...

Наше время — страница истории науки. «Современность», — пишут Б. М. Кедров и

А. П. Огурцов, — не оторвана от предшествующей истории, а является ее закономерным развитием, точнее сказать, „последним словом“ истории. Тот, кто следит за современным ходом развития естествознания, может видеть воочию, как сегодня творится сама история естествознания: ведь завтра она из „сегодня“ перейдет во „вчера“ и станет свершившейся историей, в которой уже ничего нельзя будет изменить — ни улучшить, ни ухудшить. Сегодня же своей практической деятельностью человек может внести такие изменения и коррективы, которые соответствуют задаче, стоящим перед человечеством» (с. 8).

Важным и четким является проходящее через всю книгу отношение авторов к классическому наследию, восходящее к оценке Марксом, Энгельсом, а затем и Лениным достижений их великих предшественников («стоим на плечах гигантов», но в отношении к ним нет и намека на что-то догматическое, омертвевшее). Авторы выявляют ленинскую позицию: «Горячо отстаивая суть марксистского учения, страстно защищая ее от ревизионистских и оппортунистических попыток малейшего ее извращения, Ленин вместе с тем никогда не цеплялся за букву высказывания своих великих предшественников, за форму, в которой были изложены их идеи и мысли. Он четко различал содержание и форму их учения, подчеркивая, что содержание сохраняет всю свою силу в новых исторических условиях общественного развития, тогда как форма должна изменяться с каждым крупным поворотом истории, с каждым новым создающим эпоху великим открытием в науке вообще, и в естествознании в частности» (с. 47). К сказанному хотелось бы добавить, что во многих случаях не так-то просто провести грань между творческой ортодоксальностью, дальнейшим развитием концепции и ревизионизмом — необоснованным пересмотром ее основных положений и выводов. В ревизионизме, как известно, обвиняли В. И. Ленина, Г. Димитрова и ряд других выдающихся марксистов. Не гарантированы мы от «смещения акцентов» и в нашу сложную эпоху, когда остро стоит вопрос об отказе от устаревших воззрений и о дальнейшем развитии теории, призванной обеспечить успех социального действия.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

По мнению авторов, в марксистской концепции развитие естествознания обуславливается «действием внешнего (материального, экономического) и внутреннего фактора, представленного собственной логикой научного познания» (с. 53). Эти факторы сложно и конкретно-исторически взаимодействуют между собой. При этом серьезный исторический анализ не может ограничиваться эклектическим «с одной стороны и с другой стороны», а требует глубокого проникновения в их взаимосвязь и взаимообусловленность применительно к исследуемому периоду развития общества и присущей ему науки.

Весьма ценным представляется стремление авторов к рассмотрению особенностей тех или других научных направлений в контексте потребностей исторической эпохи и противоборства конкретных социальных сил. Блестящее знание марксистской классики в сочетании с глубокими историко-научными познаниями позволяет авторам избежать «адаптированных», упрощенных версий развития философии и естествознания.

Книга богата идеями и фактами. Особого внимания заслуживают попытка авторов проследить возрастание роли абстрактного мышления и роли математики в развитии естествознания, а также критика попыток возрождения натурфилософских концепций. В отличие от натурфилософии «современная научная философия выступила... в качестве одного из компонентов целого комплекса взаимосвязанных наук, в которой она играла роль объединяющего методологического начала. Поэтому глубоко заблуждались те философы, которые в условиях XX в. пытались возродить старую натурфилософию (под видом «марксистской натурфилософии»), возлагая на нее, в частности, обязанность вырабатывать очередную картину мира. Ничего, кроме недоразумений, из этой надуманной затеи получиться, конечно, не могло. Давно уже прошло то время, когда философия в одиночку бралась за выполнение подобных обязанностей. Натурфилософия как прогрессивное направление умерла вместе с появлением современного естествознания. Попытки ее „гальванизации“ могли бы только нанести ущерб как философии, так и естествознанию» (с. 324). Сказанное, разумеется, не означает «растворение» философии в естествознании, отказ от осуществления философией важных и неустрашимых методологических и мировоззренческих функций — напротив, роль философии в развитии и совершенствовании теоретической и практической деятельности людей неуклонно возрастает.

Хотелось бы привлечь внимание читателя к первому, пожалуй, в нашей историко-научной литературе серьезному прочтению взглядов на развитие науки таких выдающихся мыслителей, как А. Грамши, Г. Лукач и А. Пуанкаре.

Авторы отмечают, что «трактовка Грамши материалистического понимания истории включает в себя идею поля возможностей, по которым может пойти

исторический прогресс. Она противостоит вульгарно-социологической, фаталистической концепции истории, которая отождествляет историю с односторонностью, не допускает исторических альтернатив, рассматривает прошлое как ступеньку в восхождении общества к „подлинному“ этапу и, по сути дела, приводит к финалистской трактовке исторического процесса». По мнению Грамши, «исторический закон — не слепая, автоматически действующая необходимость. Это — закон-тенденция, осуществляющаяся в противоборстве социальных групп, классов, лиц. Такой подход к историческому процессу не позволяет переложить бремя ответственности с плеч людей на плечи безликого Исторического Закона» (с. 536). С интересом ознакомится читатель с разделом, посвященным «социализации научного открытия по А. Грамши», «историческому постижению», «рациональности в истории», поскольку мы сталкиваемся с исторически различными формами рациональности. Так, исторически рационально представление древних о плоской Земле, поскольку до открытия закона всемирного тяготения гипотеза о шарообразности Земли была категорически неприемлема, не вписывалась в систему господствующей рациональности (с. 536—541). Не пройдет читатель и мимо изложения взглядов А. Грамши на особенности и роль интеллигенции в современном обществе (с. 542), конкретизации его идей «применительно к марксистской концепции науки» (с. 542—545).

Г. Лукач, по мнению авторов, «одним из первых марксистов XX века поставил проблему взаимоотношения исторического и структурного подходов, причем поставил в конкретном плане исторического исследования. Он неоднократно отмечал, что марксизм рассматривает познание общества как исторического целого» (с. 562). «Единство исторического и структурного подходов Лукач ищет не на пути превращения истории в бесструктурный, иррациональный поток событий, не поддающийся рациональному осмыслению, а на пути структурного осмысления истории и осознания того, что исторический процесс есть процесс изменения структурных форм» (с. 563).

Элемент новизны можно усмотреть в изложении и оценке взглядов А. Пуанкаре (автор — С. Б. Шапошник), хотя в целом, к сожалению, изложение не вышло за пределы традиционных и в чем-то упрощенных оценок воззрения замечательного ученого, методолога и историка науки. Пуанкаре, с этой точки зрения, — «конвенционалист», который «не дошел» до специальной теории относительности... Сегодня пробивает себе дорогу другая точка зрения, согласно которой Пуанкаре слишком «забежал» вперед, выдвинув идею «множественности геометрий» и «множественности физик», перешагнув через специальную теорию относительности как обобщение «группы движений абсолютно твердого тела».

Новый историко-научный материал при-

влечен в книге при критическом анализе вульгарного социологизма (гл. XXV) и исследовании первых этапов становления науковедения в СССР (гл. XXVI). Авторы со всей тщательностью и кропотливостью проследили различные направления изучения науки в 20—30-е годы, обратили внимание на перспективные идеи, выдвинутые в работах А. А. Богданова, И. А. Боричевского, Г. А. Грузинцева, Т. И. Райнова и др. Конечно, большого внимания заслуживали труды В. И. Вернадского — выдающегося историка науки и создателя Комиссии по истории знаний. Думается, что пришла пора издать и переиздать науковедческие исследования советских ученых 20—30-х годов, которые оставались неизвестными широкой общественности до выхода рецензируемой книги.

Следует отметить, что в идейной борьбе с контрнаучным движением, в 60—70-е годы весьма популярным в общественном сознании многих капиталистических стран, актуально обращение к ленинской критике романтического-патриархального неприятия достижений науки и техники. Как известно, эта критика развертывалась В. И. Лениным в разных направлениях — в анализе экономического романтизма Ж. Ш.-Л. Сисмонди, «популистских» идей Л. Н. Толстого, в разоблачении идеологии реакционных движений («черносотенства» и др.), идей Пролеткульта и др. Эта сторона ленинского наследия, к сожалению, в полной мере не изучена в книге, хотя она имеет громадное методологическое значение для критики антисциентизма и различных попыток возрождения иррационализма в наши дни.

Факты — кирпичи, из которых строится

наука. Но, как справедливо отмечал Пуанкаре, груды кирпичей не составляют дома. Нужен план-проект, а применительно к науке — теоретическая конструкция, концепция. Это касается и истории науки. Хорошо когда-то сказал об этом О. Ю. Шмидт: «Надо писать не историю ученых, а историю состояния науки, состояние и уровень научной деятельности... И не сводку фактов и дат, а картину развития научной мысли в связи с общей идеологией эпохи и другими сторонами жизни — практикой» (см. «Природа», 1977, № 5, с. 115). Книги Б. М. Кедрова и А. П. Огурцова, посвященные марксистской концепции истории естествознания, — интересные и добротные шаги в создании подобной картины. Однако необходимы и уже сегодня возможны шаги следующие: анализ домарксистских и немарксистских концепций, переход к осмыслению закономерностей развития не только естествознания, но и науки в целом, усиление внимания к комплексному исследованию науки как социально-культурного феномена, разработка обоснованных принципов периодизации развития науки (в том числе в XX в.), фиксирование «узловых точек» в этом развитии, усиление не только описательной и объяснительной, но и прогностической функций историко-научных исследований. Особого разговора заслуживает превращение науки в непосредственную производительную и организующую силу. Хочется выразить надежду, что коллективные усилия в этом направлении, у истоков которых стоял выдающийся ученый Б. М. Кедров, в недалеком будущем принесут новые важные результаты.

В. И. Корюкин (Свердловск)

Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керова, Д. Н. Трифонов. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 531 с.

Авторы «Летописи» — опытные историки науки. В основу работы над «Летописью» положен, как отмечается в книге, «новый целостный подход к творчеству великого русского ученого, разработанный доктором химических наук, профессором Р. Б. Добротиным, чья творческая жизнь была теснейшим образом связана с изучением наследия Д. И. Менделеева» (с. 4). Этот подход был обусловлен необыкновенной широтой интересов ученого (авторы называют Менделеева «последним энциклопедистом»), но не в меньшей мере исключительностью его методологии. Эту исключительность подчеркнул еще в 1907 г., после смерти ученого, Л. А. Чугаев, написав: «Он умел быть философом в химии, в физике и в других отраслях естествознания, которых ему приходилось касаться, и естественным исследователем в проблемах философии, политической экономии и социологии. Он умел внести свет науки в задачи чисто практического характера и приблизить к

жизни теорию, находя для нее возможности использования и различных приложений» (Д. И. Менделеев: жизнь и деятельность. Л., 1924, с. 15—16).

В основу замысла работы было положено не только стремление возможно более детально и точно проследить жизненный путь Менделеева, но и вскрыть сущность и логическую связь основных направлений научной, практической и общественной деятельности ученого. Реализации этого замысла помогла разработка логической структуры творчества ученого. Представленная в предисловии к книге в виде графической схемы, она является своеобразным ключом к книге, показывая тесное переплетение проблем, которые занимали ученого и нередко разрабатывались им в разное время. Эта структура характерна тем, что она подчеркивает необычайно злободневную особенность его творчества: ориентированность на реализацию в практике достижений фундаментальной науки. По существу вся деятель-